
Рецензии

ЛОГИКА ГЕГЕЛЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: HEGEL FOR SOCIAL MOVEMENTS BY ANDY BLUNDEN (ЭНДИ БЛАНДЕН. ГЕГЕЛЬ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ)¹

А.Д. Майданский ^а

^а Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, Белгород, ул. Победы, д. 85

В свое время Карл Маркс желал изложить открытый Гегелем диалектический метод «на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме». Добавляя, что «истинные законы диалектики имеются уже у Гегеля» – надо только освободить их от мистической формы [1. Т. 29. С. 212; Т. 32. С. 456]. Впоследствии многие пытались осуществить этот замысел, но уже не ограничиваясь парой листов.

Новую попытку предпринял австралийский марксист Энди Бланден. Его первое исследование по этой теме, «Значение Логике Гегеля», появилось на сайте Марксистского интернет-архива в 1997 г. [2]. В течение многих лет он проводил Гегелевскую летнюю школу и руководил кружком по изучению Гегеля (Hegel Reading group).

Примечательная особенность предлагаемой Бланденом интерпретации Гегеля состоит в том, что она опирается на понятие «предметной деятельности», развитое в трудах А.Н. Леонтьева и Э.В. Ильенкова. На Западе это течение советской психологии и философии в 1990-е гг. вылилось в так называемую «культурно-историческую теорию деятельности» (Cultural Historical Activity Theory; CHAT). Предтечей CHAT считается Л.С. Выготский, а ее методологическим остовом – гегельянская версия марксизма, диалектическая логика.

Цель своей работы Бланден видит в том, чтобы снабдить социальные движения (преимущественно левого толка) мощным инструментарием анализа исторических явлений и ситуаций. Соответственно, адресат его книги – «активист социальных движений», а не профессиональный философ, не говоря уже об историке философии.

Это не значит, что философам незачем читать книгу Бландена. Стремление излагать Гегеля популярно, доступным для самой широкой аудито-

¹ Blunden A. Hegel for Social Movements. Leiden ; Boston : Brill, 2019. 289 p.

рии языком, никоим образом не лишает работу теоретической ценности. Другое дело, что автору приходится пересказывать многие хорошо известные специалистам вещи, как это принято в учебниках. Кроме того, в книге масса наглядных примеров из общественной жизни, выдержанных подчас в стилистике советских времен: «Биржевой маклер, по сути, является паразитом на рабочем народе», – и т.п. При помощи такого рода примеров Бланден хочет «облечь в плоть и кровь гегелевскую абстрактно-идеалистическую прозу» (Р. 9).

Перед нами – марксистское, политически ангажированное прочтение Гегеля, которое я бы назвал умеренно социалистическим: без диктатуры пролетариата и тотального огосударствления экономики «для наиболее передовых стран», в духе «Манифеста компартии».

Как при этом меняется внутренняя, категориальная структура «науки логики»? Ответ автора книги: никак. Меняется не состав категорий, не порядок их выведения и не принципы взаимосвязи, а лишь интерпретация и способ изложения логических идей. Вся разница между материализмом и идеализмом в диалектике сводится к форме презентации ее положений.

По своему содержанию категории логики и понятия вообще, суть нормы человеческой деятельности. Это – объективные идеальные формы, организующие общественную жизнь людей, или всеобщие принципы реально существующих «социальных практик». Эти нормы воплощаются в предметах культуры, начиная с орудий труда и заканчивая словами и символами.

Именно так понимал дело и сам Гегель, утверждает Бланден. «Гегель рассматривает понятия как формы общественно-человеческой деятельности – идеи существуют и живут в практической деятельности человеческих сообществ, как *формы* этой деятельности... Когда Гегель говорит о мыслях, он говорит о формах практики, общественной жизни, и его логика – это логика социального действия» (Р. 3).

Родственные прочтения Бланден находит у нескольких авторитетных знатоков Гегеля, также считающих предметом Логики человеческую деятельность. Его собственную позицию отличает понимание самой деятельности в смысле Леонтьева–Ильенкова.

В самом деле, от конкретного понимания категории деятельности зависит очень и очень многое. В «Тезисах о Фейербахе» Маркс подчеркивал чувственно-практический характер человеческой деятельности, которого «не знают» философы-идеалисты. Леонтьев в последние годы жизни говорил, что его беспокоит утрата конкретности понятия деятельности в литературе по психологии: за деятельность почитается любая активность индивида. В английском языке эта проблема усугубляется тем, что понятия деятельности и активности вообще приходится передавать одним и тем же словом – activity.

С утверждением, что понятия суть формы деятельности (или даже объективные идеальные нормы деятельности), согласится не только гегельянец или марксист, но и кантианец. Конкретизация понятия человеческой деятельности, когда во главу угла ставится ее предметно-практический и

культурно-исторический характер, в корне меняет дело. Именно это и проделали советские пионеры «деятельностного подхода».

Правда, Ильенков не ограничивал предмет диалектической логики «социальными изменениями» и «нормами человеческой деятельности». У него речь идет о всеобщих формах мышления и бытия, о деятельности *самой Природы*, понятой как субстанция и субъект (*natura naturans*, в Спинозовском смысле). Идеальны лишь те и только те формы человеческой деятельности, которые выражают / отражают «логику вещей» в чистом и незамутненном виде. Вполне допускаю, что Бланден разделяет такой взгляд, просто в его книге эта сторона дела осталась на другой стороне Луны.

Заслугой идеализма Маркс, как известно, считал разработку «*деятельной стороны*» (*die tätige Seite*). Бланден предлагает трактовать гегелевский «Дух» попросту как человеческую деятельность и утверждает, что на той же позиции стоял сам Маркс (Р. 258). Тем самым «Феноменология духа» автоматически превращается в *феноменологию Дела*.

«Исследование духа есть не что иное, как исследование совокупной (*en masse*) деятельности человеческих существ», или «объединенного действия многих волей» (Р. 22, 158). А феномены и «гештальты» духа представляют собой субъективные и объективные (артефакты) формы человеческой деятельности той или иной эпохи, того или иного народа, каких-либо общественных движений.

Может показаться странным, что Бланден сравнительно невысоко оценивает значение гегелевской «Феноменологии духа». Он заявляет даже, что внутри итоговой системы Гегеля не нашлось для нее места. Ну, во всяком случае, мы видим секцию «Феноменология духа» в финальном томе «Энциклопедии философских наук» (1817)¹, причем здесь сохраняется генеральная структура «Феноменологии» 1807 года: сознание – самосознание – разум – дух. Правда, «дух» здесь перемещается в отдельную секцию «Психология», оккупируя ее целиком (теоретический дух – практический дух – свободный дух).

Напрашивается вывод, что в недрах «Феноменологии духа» и рождается *психология нового типа*, заслуживающая названия «культурно-исторической психологии». Формирование человеческой психики изображается здесь как поэтапный процесс усвоения содержимого мировой культуры, а предметы культуры оказываются, выражаясь словами Маркса, «чувственно представшей перед нами человеческой *психологией*».

Полагаю, Энди Бланден недооценивает значение «Феноменологии духа» – как в гегелевской системе, так и для истории психологии. Хотя он, видимо, правомерно расценивает как «миф» утверждение Алекса Козулина, будто диалектика раба и господина послужила моделью для «культурной психологии» Выготского (Р. 51–52).

Для Маркса «величие *“Феноменологии”*» заключается в том, что в этой книге Гегель «ухватывает сущность *труда* и понимает предметного чело-

¹ Бландену это, конечно, известно. Он сравнивает два изложения феноменологии духа в § 5 главы 4.

века... как результат его *собственного труда*» [Т. 42. С. 158–159]. О Логике Гегеля молодой Маркс отзывается гораздо критичнее: «*Логика – деньги духа*», «*отчужденное от природы и от действительного человека мышление*», «*кружащийся в самом себе акт абстракции*» и т.д.

Добавим, что тема труда раскрывается как раз в том самом разделе о господстве и рабстве, который Бланден объявляет «в высшей степени странным местом, весьма нехарактерным для Гегеля» (Р. 51). А ниже отваживается заявить, что «Маркс вряд ли знал о существовании этого пассажа». Того самого пассажа, где совершается, по Марксу, великое историческое открытие: автор «Феноменологии» впервые «ухватывает сущность труда»!

В глазах Бландена «Феноменология духа» является существенной частью гегелевской системы постольку, поскольку она поставляет «сырье» для Логики. «Как всякая наука, гегелевская Логика должна иметь эмпирическую область, в которой ее утверждения могут быть наглядно представлены и проверены. Феноменология и предоставляет эту эмпирию» (Р. 69). В этом смысле Логика – это наука о структуре и взаимосвязи явлений сознания.

В реальности же, продолжает Бланден, категории логики обитают не в декартовом непротяженном пространстве мысли, а в сфере предметно-практической деятельности людей, в пространстве их «социальных практик». У Гегеля эти практики, или «проекты», и выступают в идеализированном виде формообразований сознания, или гештальтов, утверждает Бланден. «Гештальт есть единство образа мысли, форм деятельности и констелляции материальной культуры» (Р. 72).

Отсюда хорошо видно, как материалист Бланден исправляет идеалиста Гегеля, переворачивая его с головы на ноги. Если Гегель видел в социальных практиках, т.е. в предметной деятельности людей, манифестацию мыслей, то Бланден считает мысли, идеи лишь нормативным компонентом практики. Предметная деятельность как субстанция и субъект общественной жизни манифестирует себя тройким образом: в сознании, поведении и артефактах культуры. Благодаря такой поправке Гегель-логик и превращается в «философа общественных движений».

Было бы не вполне правильно приписывать Гегелю заслугу открытия «*общественного характера* сознания и знания» и утверждать, что предшествующие материалисты были на сей счет «слепы» (Р. 24). Один небезызвестный Гегелю материалист, Клод Адриан Гельвеций, доказывал, что абсолютно все человеческое воспитывается другими людьми и теми общественными условиями, в которых живет и действует индивид.

Разумеется, Гегель понимал дело несравнимо глубже, зато идея социального происхождения человеческих способностей и сознания проведена у Гельвеция последовательнее и тверже. Так, в гегелевской «Философии духа» (§ 395) можно прочесть, что талант и гениальность – это дары природы: они относятся к *nature* (*Naturell*) или природным задаткам (*die natürlichen Anlagen*), «в противоположность тому, чем стал человек благодаря своей собственной деятельности» [3. Т. 3. С. 82].

Гельвеций не делал подобных уступок «натуралистам», как бы ни был он далек от понимания «деятельной стороны». Ни одна способность человеческой личности – о талантах и говорить нечего – не дается ей даром, от рождения, настаивал Гельвеций.

Помимо «Науки логики» Бланден уделяет немало внимания гегелевской «Философии права», отмечая ее сугубую полезность для «тех, кто сражается за общественные перемены». Ему кажется совершенно правильной «фундаментальная идея книги, как она выставлена в Предисловии... Мы должны понять, что в существующем положении вещей политических рационально, т.е. исторически необходимо и в этом смысле, стало быть, прогрессивно, а что является иррациональным и заслуживает гибели» (Р. 250).

Понятно, что конкретные политические оценки автора-марксиста идут вразрез с оценками Гегеля, но сами категории, которыми оперирует Гегель в исследовании политико-правовых реалий, кажутся Бландену вполне пригодными также и для марксиста. Он призывает читателя «использовать Гегеля как систему отсчета для осмысления современных тем, и современные темы использовать как опорные пункты для раскрытия того, что истинно, а что нет в работе Гегеля» (Р. 250).

Напоследок мы коснемся важнейшей проблемы, подробно обсуждаемой в книге Бландена. Это – проблема первоначала, или «клеточки», научной теории.

Гегель начинает свою Логiku с абстракции «чистого бытия», тождественного с «ничто». Бланден горячо одобряет и оправдывает такое начало, не считая нужным парировать аргументы критиков – начиная с Фейербаха и Тренделенбурга и заканчивая Ильенковым и Б.Г. Кузнецовым.

Ильенков, в частности, утверждал, что в основании теории должна лежать *конкретная абстракция*, а не абстракция формальная, стерильно чистая и пустая. Это должна быть такая «клеточка», из которой можно вырастить живое, ветвистое древо теории. Наука логики не может быть исключением из этого – ее же собственного – правила. Наоборот, логика должна подать всем прочим наукам пример конкретного, логически содержательного мышления.

Одно дело, когда исходная пустая абстракция заполняется конкретным содержанием, как это происходит у Гегеля, другое – когда исследование начинается с конкретной абстракции, прослеживая, как разворачивается и модифицируется все то, что потенциально в ней заключается. Примером тут может служить «Этика» Спинозы: она начинается с «субстанции», обладающей конкретными свойствами и атрибутами, и все прочие идеи выводятся из простой идеи субстанции.

«Капитал» Маркса начинается с исследования, так сказать, «генома» товара – его трудовой «субстанции» (абстрактный и конкретный труд). Далее из товарной «клеточки» диалектически выводятся простая, развернутая, всеобщая и денежная формы стоимости, обмена товаров. Перед нами – химически чистая дедукция, без малейшей примеси исторических фактов и эмпирии вообще (если не брать в расчет холст, сюртук и вдовичу Куикли).

Казалось бы, марксисты-психологи должны были взять себе на вооружение метод Маркса. Психологии нужен свой «Капитал», заявлял Выготский. Однако ни он, ни кто-либо другой так и не предприняли попытку *дедукции форм психики*.

Советские психологи предлагали разные варианты «клеточек». Допустим, «клеточка» психики обнаружена. Эврика! Что с нею делать дальше? А дальше наши марксисты, дружно и начисто позабыв про «Капитал», принимались высматривать ее в психологической эмпирии и реконструировать «многоклеточные» явления душевной жизни. Действовали так же, как Локк и Юм, только тем душа представлялась потоком сознания или «пучком восприятий», а этим – массивом действий, реакций, установок и пр.

Разными оказались «клеточки» и у классиков культурно-исторической психологии. Выготский «альфой и омегой, прологом и эпилогом всего психического развития» называл *аффект* (вслед за своим любимым Спинозой). В леонтьевской теории филогенеза психики первичной «клеточкой» психической деятельности оказывается *ощущение*, понятое как ориентировочная реакция на абиотический раздражитель. Ильенков посчитал «клеточной формой» психики «организованную систему ощущений – *образ*». Однако никто из них не ставил своей целью, по примеру Маркса, *вырастить* из найденной «клеточки» древо теории, т.е. вывести конкретные, необходимые и всеобщие формы психической деятельности.

Бланден объявляет элементарной «клеточкой» и «пра-понятием» (Urconcept) человеческой деятельности «проект». Не так давно под его редакцией вышел солидный том «Collaborative projects: an interdisciplinary study» (Brill, 2014). Думаете, сам Бланден или кто-то из авторов попытался исследовать субстанцию проекта, а затем что-либо из нее *вывести*? В лучшем случае им удастся *свести* к «проектам» или *подвести* под абстракцию «проект» те или иные конкретные формы «практики», т.е. общественной жизни людей.

Что же до прочтения Гегеля, предложенного в рецензируемой книге, то оно действительно позволяет глубже понять его Логику. «Деятельностный подход», развитый в советской психологии и философии, служит превосходной основой для этого. Другой вопрос, в какой мере такое прочтение соответствует замыслу Гегеля? Это весьма непросто определить. Тут требуется тонкий и скрупулезный историко-философский анализ текстов, не вписывающийся в формат рецензии.

«Гегель для общественных движений» прочтет с живым интересом как новичок в философии, так и профессионал. Тому и другому найдется в ней новая пища для размышлений. Книга написана на редкость доходчиво – и в этом плане Энди Бланден также следует по стопам Ильенкова, умевшего разъяснять сложнейшие гегелевские тексты людям, далеким от философии и не владеющим ее языком. А вот удастся ли автору книги добиться практической цели – привить диалектико-логический образ мысли социальным движениям современности? Об этом мне, признаюсь, трудно судить. Время покажет.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. М. : Политиздат, 1955–1981.
2. Andy Blunden. Meaning of Hegel's Logic. URL: www.marxists.org/reference/archive/hegel/help/mean.htm
3. Гегель Г.В.Ф. Сочинения : в 14 т. М. ; Л. : Госиздат, Соцэкгиз, 1929–1959.

Майданский Андрей Дмитриевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: meotian@rambler.ru

For citation: Maidansky, A.D. Logic of Hegel and the Modern Psychology. Review of the book: Hegel for Social Movements, by Andy Blunden. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 74: 183–189. doi: 10.17223/17267080/74/12. In Russian

References

1. Marx, K. & Engels, F. (1955–1981) *Sochineniya: v 50 t.* [Works. In 50 vols]. Translated from German. Moscow: Politizdat.
2. Blunden, A. (n.d.) *Meaning of Hegel's Logic*. [Online] Available from: www.marxists.org/reference/archive/hegel/help/mean.htm
3. Hegel, G.V.F. (1929–1959) *Sochineniya: v 14 t.* [Works: In 14 vols]. Translated from German. Moscow; Leningrad: Gosizdat, Sotsekgiz.